

**Томаш Гарриг Масарик о старой и новой России
в труде «Мировая революция»
(к 170-летию со дня рождения политика)**

В статье обосновывается ответ на вопрос, в силу каких причин происходили события, названные Т. Г. Масариком мировой революцией, а в этом ракурсе — какие практические шаги и дальнейшие выводы для строительства чехословацкой государственности он предпринимал как будущий президент страны — идеал- и реал-политик XX века. Отмечается, что эта государственность осмысливалась Масариком с опорой на старую (до февраля 1917 г.) Россию, а создавалась она в ходе сложных взаимодействий с Россией новой. Предпринята попытка показать, что именно чутье реал-политика не позволило Масарику отказываться от некоторых положений идеал-политика — если под таковыми признавать уважение к свободному выбору народов. Масарик адекватно и, можно сказать, релевантно излагает ключевые моменты русской революции — мотора революции мировой, в ходе которой «малые» народы получили (или восстановили) свою государственность. Отсюда почтительное отношение — на фоне идеологически ангажированных суждений — и к самому факту революции, и к выбору русского народа. Прочтение труда «Мировая революция» под этим углом зрения побуждает адекватно оценивать государственную мудрость мыслителя и политика, президента новой страны. Аргументируется настоятельность нового прочтения труда Т. Г. Масарика, отмечается, что ряд его положений значим для современности, когда идеальные побуждения к политической активности отводятся не на вторые и даже не на третьи планы. Это же прочтение может помочь в понимании причин не только того, как возникло Чехословацкое государство, но и того, почему оно распалось.

Ключевые слова: *Европа, СССР, Россия, Чехословакия, Т. Г. Масарик, мировая революция, русская революция, гуманизм, демократия, реал-политик, идеал-политик.*

7 марта 2020 г. исполнилось 170 лет со дня рождения Томаша Гаррига Масарика (1850–1937) — первого президента Чехословацкой республики (ЧР), идеи и политические проекты которого до сих пор обсуждаются не только историками, но также политологами и государствоведами, психологами и экономистами, представителями всего комплекса социальных наук. Особое внимание привлекает к себе книга Т. Г. Масарика «Мировая революция»¹, вышедшая в 1925 г. в Праге на чешском и русском языках. Приступая к рассмотрению данного труда, своеобразным преддверием которого можно считать его трехтомник «Россия и Европа»², следует заметить, что между ними существует определенная преемственность и даже комплементарность, то есть взаимодополняемость. Она заключается в том, что настоятельность проблемы соотношения старой России и Европы, заявленная во втором произведении, вылилась в обоснования решений революционного характера относительно России в ходе становления государственности Чехословакии — в произведении первом. Характера, как раз осуждавшегося иногда Масариком в качестве идеал-политика, неоднократно подчеркивавшего свою приверженность эволюционным, а не революционным путям развития социума и культуры³. Но он был и незаурядным реал-политиком, то есть понимал возможность и неизбежность именно революционных решений, включая решение о создании новой страны в центре Европы.

Идеал-политик — государственный деятель, руководствующийся в своей деятельности идеальными мотивами, в случае Масарика — идеалами гуманизма и демократии, так или и иначе, по его убеждению, призванными победить реалии теократических режимов. В чем-то сходно с ним мыслил еще один идеал-политик — президент США В. Вильсон. Оба были профессорами⁴. Оба выводили Европу

1 Масарик Т. Г. Мировая революция. Воспоминания / авторизованный перевод Н. Ф. Мельниковой-Папоушек. Прага: Пламя; Орбис, 1926. Т. I. 245 с.; 1927. Т. II. 390 с. В 2018 г. в Москве, в издательстве «Вече», это произведение Масарика было переиздано, но без предисловия, комментариев, именного указателя и даже без упоминания переводчика.

2 Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. СПб., 2000. Т. I. 448 с.; 2004. Т. II. 720 с.; 2003. Т. III. 576 с.

3 См.: Задорожнюк Э. Г. «Подлинная революция — это революция реформистская» (Из книги Т. Г. Масарика «Россия и Европа». Главы «Демократия и революция» и «Святая Русь») // Славяноведение. 1997. № 5. С. 100–107.

4 Профессором Масарик именуется и П. Н. Милюкова, хотя тот был лишь приват-доцентом Московского университета.

из Первой мировой войны, не зная, а то и пренебрегая негативными последствиями ряда своих решений; оба стояли за укрепление новых государств в центре Европы, появившихся после распада Австро-Венгерской империи; оба подвергались критике, причем президент США даже в большей мере. В целом же основной итог взглядов Масарика на мировую революцию включает не только ее трактовку как продвижение идей гуманизма и демократии, но и признание итогов революции русской как ключевого ее звена, равно как легитимацию де-факто того выбора, который сделали народы России в пользу республики перед монархией. И этот итог можно оценить, сочетая лишь диалектически его позиции как идеал- и реал-политика⁵.

Термин «реал-политика» (от немецкого *die Realpolitik*, введен в 1853 г. историком Л. фон Рохау) употребляется достаточно часто. В качестве классического представителя такой политики упоминается фон Бисмарк, превративший Германию в империю. Конечно, и он руководствовался высокими ценностями, одна из которых — единение Германии (как для Масарика высшей ценностью являлась единая Чехословакия); идеалом же государственного устройства («поэмой», по слову Масарика) для Бисмарка была монархия — как для Масарика республика, хотя он не пренебрегал диктаторскими полномочиями и не опасался признаваться в этом. Но в историю вошли действия создателя Германской империи именно как реал-политика.

Что касается термина «идеал-политик», то он встречается гораздо реже. Им может быть означен такой политик, который руководствуется, причем не сугубо декларативно, в своей профессиональной деятельности высшими ценностями или идеалами. Таковыми для Масарика были гуманизм и демократия. Понятие «идеал-политик» не идентично

⁵ Размышляя фактически о соотношении идеал-политика и реал-политика, Т. Г. Масарик в беседах с К. Чапеком убедительно замечает: «И в политике важно равновесие разума и чувства. Когда в политике складывается тревожная, опасная ситуация, люди должны внимательно наблюдать и комбинировать, что и как, с чем они непременно обязаны считаться; и этот расчет должен быть точным, как в математике; чувство не смеет вводить нас в заблуждение. Однако цель, идеал устанавливаются не только разумом, но и чувством; согласно своей цели мы можем изменить ситуацию, внести в нее нечто новое, нечто свое. И это творчество, это — поэзия жизни... метод должен быть абсолютно конкретен, разумен, реалистичен, но цель, целостность, концепция — это вечная поэма» (*Чанек К. Беседы с Т. Г. Масариком // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 92*).

понятию «идеальный политик» в соответствии с моделями, которые разрабатываются зарубежными и отечественными обществоведами. К примеру, некоторые исследователи видят такого политика как целеустремленного и честного лидера с политической силой воли⁶ — но ведь эти качества во многом присущи и реальным политикам.

Конечно, идентифицировать Масарика как предельно приближающегося к идеальному типу реал- или идеал-политика сложно. Но в содержании труда «Мировая революция» эта конструкция помогает разобраться, равно как и признать его авторитет деятеля, который в текущей политике постоянно держал в поле своего зрения высшие ценности — и признавал право других на их истолкование. Этим и объясняется его видение реальных перспектив тех или иных процессов, влиявших на практические решения, что особенно видно в его оценках мировой революции и ее ключевого события — революции 1917 года в России⁷. Впервые этот труд Масарика был опубликован в июле 1925 г., вызвав широкие отклики⁸. В межвоенный период вышли

6 Захаров Н. Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // <http://www.ecsocman.hse.ru/786/Zakharov.pdf>

7 Отдельные аспекты проблемы см.: *Ведерников М. В.* Место России во внешнеполитической концепции Т. Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // *Современная Европа*. 2015. № 6. С. 122–130; *Задорожнюк Э. Г.* «Россия и Европа» Т. Г. Масарика: новые подходы к старой идее европейского единения // Т. Г. Масарик и Россия. СПб., 1997. С. 27–35; *Задорожнюк Э. Г.* Штрихи к портрету Т. Г. Масарика // *Новая и новейшая история*. 2012. № 5. С. 151–163; *Инов И. В., Порочкина И. М.* Петроградский этап в борьбе Томаша Гаррига Масарика за создание самостоятельной Чехословацкой республики // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2004. Серия 9. Вып. 3–4. С. 99–113; *Крючков И. В.* Т. Масарик и Э. Бенеш: Мировая революция и крах империй Габсбургов и Романовых // *Революция 1917 года в судьбах мира: уроки столетия*. Ставрополь, 2018. С. 41–45; *Ненашева З. С.* Чехи в России между двух революций: мечты, иллюзии и реальность // *Современная Европа*. 2017. № 7. С. 88–97; *Серационова Е. П.* Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик // *До и после Версаля. Политические лидеры и национальные государства в Центральной и Юго-Восточной Европе*. М., 2009. С. 322–340; *Серационова Е. П.* К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в.* СПб., 2011. С. 120–136.

8 *Masaryk T. G.* Světová revoluce za války a ve válce, 1914–1918. Praha, 1925. 650 p.

еще два чешских (в 1930 и 1936 гг. — с доизданием в 1938 г.) издания; следующее увидело свет лишь в 2005 г.⁹ Перевод книги на русский язык в середине 1920-х гг. осуществила богемист Н. Ф. Мельникова (1891–1978) — супруга личного секретаря президента Масарика, историка и дипломата Я. Папоушека (1890–1945).

Характеризуя свое произведение, Масарик утверждал, что пишет «не записки о путешествии, а политическую работу» (Т. I. С. 225)¹⁰. Труд состоит из 10 глав. *Первая* глава носит реал-политический и нарративный характер. Хотя она именуется «Завет Коменского», однако ее подзаголовок таков: «Прага, 1914, август — декабрь»; Коменский же в ней упоминается однажды — и как бы вскользь. Но это упоминание не только подтверждает верность Масарика его заветам — духом великого гуманиста и примирителя пронизана и вся политическая активность этого пока что депутата австрийского парламента.

Вторая глава «Roma Aeterna (Рим, декабрь 1914 — январь 1915)» о двух месяцах пребывания Масарика в Италии, *третья* «На родине Руссо. (Женева. январь-сентябрь 1915)», а также *четвертая* «На Западе (Париж и Лондон: сентябрь 1915 — май 1917 г.)» тоже почти целиком нарративны.

Глава *пятая* «Панславизм и наша революционная армия (Петроград — Москва — Киев — Владивосток. Май 1917 — апрель 1918 г.)» характеризует ключевое событие мировой революции — «большевистский переворот» — его предысторию, ход и первичные результаты для дела чехословацкой государственности. В ней есть объемный очерк по идеологии большевизма с естественным его осуждением, но и с признанием того, что он — разрешение внутреннего кризиса России, которая «нуждалась в столь насильственном пробуждении от царского сна» (Т. I. С. 205). Далее идет повествование о том, какими способами и приемами российские и зарубежные политики побуждали Масарика благословить это вмешательство, а большевики — привлечь его в союзники к борьбе с немцами.

В *шестой* главе «На Дальнем Востоке (Токио, 6–20 апреля 1918 года)» дается описание пребывания Масарика в Японии, в ней содержится меморандум о России и большевизме В. Вильсону. Эта глава самая краткая,

9 Masaryk T. G. Světová revoluce za války a ve válce, 1914–1918 / ed. J. Srovnal. Praha, 2005. 640 s.

10 Здесь и далее: ссылки на пражское русскоязычное издание труда Т. Г. Масарика «Мировая революция». Т. 1–2 (см. перечень источников и литературы).

но и одна из самых весомых в плане отношения Масарика к будущему преобразованию Европы с учетом фактора большевизма.

Второй том труда открывается главой *седьмой* «Американская демократия. *Finis Austriae* (Вашингтон: 29-го апреля — 20-го ноября 1918 г.)»; она особо примечательна в плане изложения и реальной политики, и воплощения в ее ходе идеальных ценностей, каковыми Масарик считал религиозно-моральные основы государственности. Почему этот гимн Америке помещен в главе, посвященной гибели Австрии — ведь едва ли не большинство чехов (и словаков) ненавидели последнюю? Есть ли не поверхностные, а сущностные изъяны в самой американской демократии? Что может воплотиться из ее основ в новой Чехословакии? Обо всем этом в главе или не говорится, или упоминается вскользь.

Восьмая глава «Мировая революция и Германия (Из Вашингтона в Прагу через Лондон, Париж, Падую. 20 ноября — 21 декабря 1918 г.)» носит в основном нарративный характер, хотя и предваряется небольшими рассуждениями о телеологии (целеполагании) в жизни отдельного человека и общества. То же можно сказать и о главе *девятой* «Возникновение нашей республики», в которой суждения философского характера были высказаны в конце.

Наконец, глава *десятая* «Демократия и гуманизм» наиболее полно выражает политические идеалы Масарика, а ее завершающая часть затрагивает феномен веротерпимости в Чехословакии и в мире.

Итак, вторую, третью и четвертую главы можно считать сугубо нарративными и почти полностью посвященными реал-политике, глава десятая посвящается идеал-политике, а остальные можно отнести к нарративным с элементами изложения высших ценностей Масарика-политика. В целом же книга — важный источник о «былом и думам» (если вспомнить название романа почитаемого Масариком русского автора). Она в этом плане — ничем не заменимый источник, правда, нуждающийся в современных оценках и комментариях. Начальная и большая часть ее заключительных глав посвящены мировоззренческим вопросам, выражая, можно сказать, заветные мысли Масарика — о демократии, государственности, малых народах, этике и пр. Как раз на этом фоне нарратив и мемуарные свидетельства обладают некой специфической чувствительностью. Так, Масарик стремится избегать жестких моралистических оценок, подчеркивая как крайнюю противоречивость революционных событий в России, так и сложность мотивации каждого из его исторических противников и соратников. Представляя же в чем-то моралистично как идеал-политик борьбу за государственную

независимость Чехословакии, он время от времени пишет как реал-политик, который ради достижения своих целей идет на контакты с любыми лицами и принимает неожиданные решения.

Если читать книгу под этим углом, то и нарратив, и изображенные в ней лица часто предстают в некоем двойственном свете. Но Масарик не случайно был великим реал-политиком. Так, его неприязнь к марксизму и особенно ленинизму, зафиксированная еще в труде «Россия и Европа», не помешала ему рассмотреть реальную ситуацию: народ России предпочел власть большевиков любой другой — и в этом предпочтении он оказался непобедимым. Правда, отношения с большевистской властью были Масариком заморожены на весьма продолжительный срок, причем некоторая мотивация такой заморозки просматривается как раз в труде «Мировая революция».

Уже предыстория этих отношений крайне сложна. Воцарение в 1916 г. Карла I, именовавшегося как императором Австро-Венгрии, так и королем Чехии, было связано, в частности, с амнистией, включая родных Масарика и приговоренного к смертной казни К. Крамаржа. Естественно, открылись новые возможности и для достижения государственной независимости чехов (и словаков), пока с опорой на царскую Россию. Важными становились как оформление идеи нового государства, так и рост конкуренции проектов политических сил в ее воплощении в жизнь. Меморандум Масарика французскому правительству в феврале 1916 г., провозглашавший конец Австро-Венгерской империи («без пяти двенадцать»), как бы намекал: надо готовиться произносить тост, связанный с появлением нового государства, — и важно, кто его первым произнесет.

Ожидания начались еще весной 1917 г. 5 мая 1917 г. с согласия властей Великобритании Масарик с британским паспортом на имя Томаса Джорджа Марсдена (с сохранением инициалов Т. Г. М.) отплыл из шотландского порта Абердин в Скандинавию, откуда на поезде через Берген, Христианию (Осло) и Стокгольм в ночь с 15 на 16 мая 1917 г. прибыл в Петроград¹¹. Ситуация как раз к этому времени кардинально изменилась. Сам Масарик еще в 1916 г. стал почетным профессором Петербургского университета, но его друг, приват-доцент Милюков, подал в отставку с поста министра иностранных дел Временного правительства 16 мая. Зато уже месяц действовал другой интеллектuala — В. Ульянов-Ленин, реализовывавший положения своих «Апрельских тезисов».

¹¹ Подробнее см.: *Rychlík J.* 1918. *Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Česko-Slovenska*. Praha, 2018. S. 143.

С первых же дней пребывания в Петрограде Масарик начал выступать перед соотечественниками, публиковаться в газете «Чехословак» и местных изданиях, одновременно отправлять корреспонденции в лондонскую Times и другие газеты. Нужно продолжать войну до победного конца, постоянно утверждал он, видя в таком исходе начало демократической реорганизации Европы (хотя относительно тогдашней новой России Масарик утверждал, что ей-де недостает «сильных лидеров» — вскоре они в лице Ленина и Троцкого и появились в России еще более новой...).

В петроградских газетах в мае — июне выходят его статьи о «малых народах», но вскоре Масарик вовлекается в практическую деятельность: признанная всеми после Зборовского сражения 7 июля победа боеспособного чехословацкого легиона над немецко-австрийскими войсками побудила его заниматься организационными делами по превращению легиона в корпус, а там и в армию — ее могли составить 40 000 плененных чехов и словаков.

Вот что пишет профессор о своем переключении на реал-политику в труде «Мировая революция»: «Нашей задачей было создать армию, или, как мы говорили в России, “корпус”, из первоначальной дружины, переделанной в бригаду, потом в дивизию, и из ядра второй дивизии. План был таков — создать вначале один корпус и потом готовить другой, ибо пленных, идущих добровольцами в армию, было достаточно. Я продолжал там, где кончил Штефаник. Против русского плана создания пропагандистского войска, войска политического, Штефаник выставлял наш план, доказывавший необходимость настоящего, как можно большего войска, которое должно было быть послано во Францию. Об этом мы договорились сейчас же после признания Брианом нашей антиавстрийской программы» (Т. I. С. 185). Получается, что «русский план» был нацелен на создание всего лишь «пропагандистского» войска. Не совсем понятно, что и как оно намеревалось «пропагандировать», но воевать ему на восточном направлении, по логике приведенного здесь суждения Масарика, не стоило. Но где есть не пропагандистское, а реальное войско, там оно не может не влиять на ситуацию. Тем более что под Зборовом чехословацкие части показали, что они умеют воевать, нанося поражения высокопрофессиональным немецким войскам.

Поэтому небезосновательно современный чешский историк Я. Рыхлик пишет, что Масарик прекрасно понимал значимость чехословацкой армии в России. В ходе петроградского собрания соотечественников на вопрос, что являлось на тот момент первоочередной

задачей, он ответил: «Параграф первый: армия. Как можно большее чехословацкое войско, как можно большую чехословацкую армию! Чтобы мир видел, что чехословацкий народ действительно против Австро-Венгрии... Параграф второй: заботиться о нас, о самих себе. Этим я совершенно четко хочу сказать: *не вмешиваться в русские дела* (курсив мой. — Э. З.)... В первую очередь, нам нельзя допустить, чтобы наше войско можно было использовать для установления какого-то порядка. Пусть русские сами его наведют»¹². В любом случае Россия должна продолжать войну с Германией — при любом «порядке», а его, в свою очередь, должны признать Англия и Франция. Как подчеркивалось в труде «Мировая революция»: «Союзники должны Россию поддерживать во что бы то ни стало и всевозможными средствами. Если немцы покорят Восток, то позднее покорят и Запад» (Т. I. С. 228).

Революция 25 октября (по старому стилю) 1917 г. сменила приоритеты активности Масарика: о «войне до победного конца» на восточных фронтах пришлось забыть после Декрета о мире, и в то же время продолжать ее на других фронтах. Масарик перебрался в Москву, а затем в Киев, но налаживать контакты теперь пришлось уже не с Милюковым, а с Г. Плехановым, Л. Троцким, И. Сталиным и даже В. Лениным, хотя и не напрямую. «Величайший радикал, пришедший к власти» (Т. II. С. 323) — так Масарик именуется Ленина во втором томе, но в томе первом называет его человеком, который «часто признавал, что делаются ошибки и что нужно учиться» (Т. I. С. 201) (к слову, Ленин упоминается в первом томе 9, а во втором — всего 2 раза). Перечитывать характеристики Ленина как человека подлинно рискованного (каковым был и сам Масарик, а если учитывать его тогдашний возраст — то даже более рискованным) в желании устроить революцию и ввести систему советов, которая «есть не что иное, как расширение примитивных русского мира и артели» (Т. I. С. 204), крайне интересно. Правда, следов ни переписки, ни прямых контактов с вождем русской революции в книге о революции мировой обнаружить не удалось...

Итак, по Масарику, «большевизм означает внутренний кризис России — его нельзя лечить вмешательством извне» (Т. I. С. 205). Это значит, что лидерам чаемой чехословацкой государственности надо считаться с новыми реалиями как в России, так и на ее окраинах. К примеру, 12 января 1918 г. Украина была признана независимой Центральными державами. «Я, — пишет Масарик, — считал невозможным оставаться на Украине, совершенно оторванной от России...

12 Цит. по: Ibid. S. 143–144.

без России же мы не могли попасть в Сибирь, а оттуда во Францию» (Т. I. С. 208). На тот момент «дружбы» между двумя странами, добившимися независимости от империй, — соответственно Российской и Австро-Венгерской — не получилось.

И Масарик решает: путь на родину боеспособных легионеров должен идти не в ближайшем западном (от Киева — всего полтысячи километров, но власти Киева начинали свою игру с Центральными державами, первыми заключив свой вариант Брестского мира) и не в среднем по протяженности северном (через Мурманск) направлениях. Через Румынию же Масарик не направил войско по двум причинам: нехватка довольствия и необходимость считаться с мирными переговорами большевиков с Германией. В итоге корпус отбыл в наиболее протяженном — в десятки тысяч километров — направлении: восточном. Позднее Масарик называл прошедших этот путь легионеров братьями; именно они составляли первый караул Пражского града и были личными охранниками президента.

Как этот выбор анабазиса мотивирован в труде «Мировая революция»? Думается, как смешение начал идеал- и реал-политики: «Путешествие во Францию из Киева через Сибирь — вот фантастический план, говорил иногда я сам себе; но когда я взвесил все условия, то увидел, что это все же самый практичный, хотя и требующий длинного пути, план» (Т. I. С. 209). И как раз по этому, наиболее протяженному, пути осуществляет свой личный анабазис уже 68-летний профессор.

Страницы труда «Мировая революция» не содержат описания тягот этого путешествия, хотя о территориальных перемещениях в книге говорится достаточно подробно. Переписка же с вождями революции, особенно с Лениным, почти не упоминается.

А что же дальше с независимостью? «Пролетарская революция» в России — шанс для «национального освобождения» или препятствие для него? Как она соотносится с мировой революцией, или, как ее именует Масарик, «демократической»? Фактически ответы на эти вопросы и составляют основное содержание труда «Мировая революция» — и они таковы, что их надо постоянно держать в поле внимания из-за их двойственности. В этих ответах, скорее, ощущается вера в некую миссию и надежда на то, что свобода в новую Чехословакию придет с Запада, а не с Востока, а ее пророком будет Вильсон, а не Ленин. При осознании того, что это позиция скорее идеал-политика, Масарик же как реал-политик куда адекватнее оценивал роль как раз Востока в осуществлении своих надежд, хотя не писал об этих надеждах внятно.

И как реал-политик он не принял линии на союз чехословаков-мятежников с контрреволюционными генералами, выступавшими за «единую и неделимую Россию», обремененную «союзническими обязательствами». Реальность диктовала: нужно использовать шанс, представленный крушением монархии, а затем и Временного правительства с его «слабыми лидерами», — но особо не признаваться в этом.

Данная ситуация отражается на страницах труда «Мировая революция» с учетом следующего, пожалуй, ключевого момента — нежелания Масарика вовлекать чехословацкие части в Гражданскую войну в России. «Я был главным начальником, даже диктатором армии, как меня провозгласили солдаты в России, но, конечно, ни в коем случае не главнокомандующим», — констатирует Масарик (Т. II. С. 88). Им стал генерал М. Жанен, с которым Масарик встречался и в Вашингтоне, и на своем пути через Сибирь к океану (тот ехал в обратном направлении). Как раз он ввел в чехословацких войсках французский военный устав. При этом, хотя Масарик подчеркивал, что «генерал Жанен исполнял свою тяжелую задачу лояльно и обдуманно» (Т. II. С. 89), все же его намерение перевезти чехословацкие части через Туркестан и Средиземное море во Францию оценивалось критически. Остается добавить, что Жанен не сдерживал чехословацкий мятеж. Если учесть, что он проходил одновременно с мятежами в Ярославле и Рыбинске, Владимире и Муроме, то француза волновало свержение новой власти в России, по его убеждению, как предпосылки победы над немцами.

Конечно, повествование о «сибирском анабазисе» — без акцента на том, что мятеж чехословацкого корпуса увеличил масштабы, причем не только территориальные, гражданской войны в России, — не лишено мудрого лукавства. И все же видно, что раздувание «рокового челябинского инцидента» им осуждается (Т. II. С. 77). Относительно «большевистской пропаганды» выражаются опасения, а вопрос о том, «кто был виноват в том, что в Сибири начались бои — мы или большевики» (Т. II. С. 81), — замалчивается.

Оценивая же внешние факторы, влиявшие на возникновение нового государства, с осторожностью реал-политика, его будущий лидер не питал иллюзий относительно не только побеждаемых, но и победителей в войне. Масарик допускал, что делу независимости Чехословакии могут, помимо немцев и австрийцев, помешать, скорее, славяне — при этом не только русские, но также поляки и украинцы, — хотя союзники по Антанте тоже не вызывали у него однозначно позитивного отношения. Так, вину за ненужное удержание

чехословацких войск на Волге он — конечно же, с должной осторожностью — возлагал на храброго французского майора А. Гинэ, который «усиленно поддерживал фронт на Волге, ожидая помощи от мифической союзнической армии у Вологды. Нашим же казалось, что внутренний чешско-русский фронт является обновлением борьбы с немцами и австрийцами» (Т. II. С. 83–84). Уместно, думается, было бы заменить слово «казалось» на «внушалось», ибо Масарик не соглашался с тем предрассудком, что-де большевиков к преследованиям чехов и словаков побуждали немцы.

И немногим выше: «Взятие волжских городов было, кажется, стратегической ошибкой» (Т. II. С. 79). Таких «кажется» в описании славы чехословацкой независимости — легионеров — в книге Масарика немало. Не без этого «кажется» Масарик приводил в своей книге выдержки из писем американских и английских политиков; в одном из них, от Ллойд-Джорджа 11 сентября 1918 г., говорилось об анабазисе легионеров как «одной из величайших эпопей истории» (Т. II. С. 79). Реал-политик Масарик воспринимал такого рода риторику с должной долей здравомыслия. Остается заметить, что он всего лишь года не дождал до времени, когда под весьма схожую риторику бывшие союзники по Антанте отдали Чехословакию по власть все тех же немцев...

В целом же сквозное прочтение в книге темы формирования вооруженных сил будущей Чехословакии, остовом которых не могли не стать легионеры, особенно интересно. История их движения вокруг земного шара и продвижения их лидеров в новой стране описана неоднократно. Хотелось бы добавить, что Масарик, видя крайности фракций в движении к независимости — от протофашиста Р. Гайды до коммуниста Я. Гашека, — сумел не привести их к прямым столкновениям и в ходе движения в Чехословакию, и в самой стране. Знаменитая легионерская фуражка, которую он носил, став президентом, в этом плане — некий символ, объединявший силы самой разнородной политической направленности, если они прошли школу легионерства.

В труде «Мировая революция» об этом говорится следующими вдохновенными — на фоне довольно скупого эмоционального стиля Масарика — словами: «Количество и качество легионов объясняет, почему союзнические правительства и армии признавали наше войско и нашу деятельность и почему они наше движение принимали с уважением и с симпатиями. А наше заграничное войско имеет и будет иметь значение дома: если сосчитать семейные, родственные и дружественные связи легионеров, то получается по крайней мере миллион лиц, которые непосредственно связаны с легионерами, —

легионы являются для нашего государства значительной и важной политической силой» (Т. II. С. 91).

С самого начала войны Масарик дистанцировался от той позиции, что она есть столкновение славян с германцами, в частности исходя из «невозможности дальнейшего существования старого царского режима. Но всегда и постоянно я рассчитывал на помощь России и старался добиться этой помощи» (Т. II. С. 238). Ее, эту помощь, по убеждению Масарика, предоставляло не в должной мере царское правительство; Временное правительство начало ее оказывать активнее (в частности, через генерала Н. Духонина). Оказалось, что лишь большевики, даже будучи «кровными детьми царизма», а во внешней политике выступая «по традиции рабочего интернационала», «признавали нашу армию и право на вооруженный нейтралитет» (Т. II. С. 240). Да, при этом Масарик все же констатирует: «Они не понимали ни нас, ни наших стремлений» (Т. II. С. 240). Но путь через свою страну — Россию — в Европу они все же гарантировали, хотя эти гарантии осуществлялись с большим трудом.

Может, как раз из-за подобного взаимонепонимания чехословацкий корпус и поднял мятеж? Масарик не утверждал это напрямую, более того: он предостерегал — даже на расстоянии — от вмешательства в русские дела.

В этом плане уместно привести слова Р. Б. Локкарта, который, как известно, прибыл из Великобритании с миссией задушить и революцию, и советскую власть. Но мятеж чехословацкого корпуса не мог закончиться успехом — что бы ни говорили местные контрреволюционные силы, а тот же Локкарт из западных аналитиков понял это одним из первых. «В конце концов, — спустя годы писал он, — чехи были причиной нашего окончательного разрыва с большевиками... Как я желал бы теперь, чтобы президент Масарик находился в России в то тяжелое время! Убежден, что он никогда бы не дал санкций на сибирское восстание. Союзники послушались бы его, и мы бы избежали этой чудовищной авантюры, которая обрекала на смерть тысячи русских и стоила миллионы фунтов золота британским налогоплательщикам»¹³. Конечно, это суждение *post factum*, конечно, в английском политикуме были те, кто поставил бы отсутствие таких санкций Масарику в вину. Но к мнению разведчика-профессионала, пытавшегося неудачно свергнуть власть Советов, все же следует присмотреться.

¹³ Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера английской разведки. М., 2016. С. 287.

Локкарт встречался с Масариком, в мемуарах которого отмечается, причем неоднократно, что «английскому торговому атташе в Москве» (так он его называл; Т. I. С. 219) эта миссия не удалась, и он задумался о причинах ее невыполнимости. Надо сказать, что необходимость в этом Локкарт осознал не в малой степени под влиянием взглядов Масарика на истоки и ход русской революции как части революции мировой. Действительно, будущий президент Чехословакии как реал-политик не желал России того же, чего и своей стране. А именно, вмешательства в ее внутренние дела. Он раньше других понял, что революция 1917 г. неотвратима и в чем-то безальтернативна. Отсюда взвешенная позиция Масарика относительно и права народов России на революцию, которое он косвенно обосновывал еще в своем трехтомном труде «Россия и Европа». Отсюда и убеждение в безуспешности попыток подавить ее. Отсюда же нежелание будущего президента страны втягивать чехословацкие бригады, дивизии, корпуса, наконец, армию в русские дела, что все же в конце концов произошло провокационным путем. Мятеж все-таки состоялся, хотя он не мог закончиться успехом — что бы ни твердили местные контрреволюционные силы.

Мятеж проходил в мае — августе 1918 г., а Масарик покинул Россию в марте этого же года, ранее узнав и одоблив совместное выступление чехословацких частей и частей Красной армии против немцев близ Бахмача (и получив одобрение от «комиссара Сталина»; Т. I. С. 225). Но до полного взаимопонимания и тогда, и позднее было далеко.

Масарик постоянно утверждал, что он противопоставляет демократию теократии, особенно сильной в старой России, констатируя, что человечество находится в переходной эпохе от теократии к демократии на основах гуманизма. Но вот путь к ней шел через войну, к которой привели, по убеждению Масарика, не сугубо экономические причины, не национализм или другие единичные причины: «друг против друга стояли идеи и взгляды на мир и жизнь» (Т. II. С. 157). В результате мировой революции, вытекавшей из мировой войны, изменились и те и другие взгляды, а новая Россия, как и старая, оказалась силой, обеспечивавшей существование независимой Чехословакии.

Во многих трудах указанные взгляды маркировались Масариком как демократия (на западе) и теократия (на востоке Европы); так, в частности, было в его «России и Европе». Эта маркировка подверглась изменениям в середине 1930-х гг., когда президент Чехословакии, спасаясь от плода «демократии» на Западе — германского нацизма, — обратился к прямому наследнику теократии — большевистской

России. Прежние представления Масарика встали с ног на голову; правда, если учесть его раннее русофильство, то, наоборот, все стало на свои места.

В главе девятой о возникновении «нашей республики» отмечено: «Россия не могла нас освободить... Россия, царская и официальная Россия, была не славянской, а византийской. Наше русофильство относилось прежде всего к русскому народу — это русофильство не было ослаблено войной; наоборот, оно усилилось» (Т. II. С. 242). Надо сказать, что и в первой главе Масарик как раз выступил «против некритического русофильства» (Т. I. С. 19), но значимость фактора русофильства без сверхпозитивных или сверхнегативных коннотаций он все же признавал — и русофобом не был никогда, включая отношение к новой России.

В целом по его логике получается, что «западная часть» делала **практические** ошибки при **теоретическом** благословении независимости Чехии, а вот «русская часть», осуществляя революцию, делала нечто большее для нее **практически**, может и ошибаясь **в теории**. Ибо Масарик недвусмысленно подчеркивает: «Что касается убеждений, то я был во многом гораздо большим противником большевизма, чем некоторые господа в Париже и в Лондоне» (Т. I. С. 216).

Следует особо подчеркнуть, что Масарик, которого часто именуют одним из первых марксологов, теоретически опровергал установки большевизма в самом конце XIX в., еще в 1898 г., в книге «Философские и социологические основания марксизма», которая вышла в 1898 г. на чешском, в 1899 г. — на немецком, а уже в 1900 г. — на русском языке¹⁴, даже с учетом того, что собственно большевизм появился пять лет спустя, после II съезда РСДРП, в 1903 г. Не обошел он их своим вниманием и в труде «Россия и Европа» (имя Ленина упоминается там более 10 раз), правда, трактуя эту силу как в общем-то маргинальную.

Однако! «В конце концов, — утверждал Масарик, — большевики были тоже русскими, для меня Ленин был не менее русским, чем Николай; несмотря на его монгольское происхождение, в нем было больше русской крови, чем у царя» (Т. I. С. 216). В то же время одно из ключевых мест труда: «Большевизм означает внутренний кризис России — его нельзя лечить вмешательством извне» (Т. I. С. 205). В связи с этим и упомянутый выше вывод о весе «русской части» в освобождении Чехии нужно приводить в сочетании с другим: «Русская

14 См.: Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. II. С. 595. Прим. 8.

революция 1917 года была для нас и для нашего освобождения скорее плюсом, чем минусом» (Т. I. С. 220).

В заключение отметим: мировая революция в трактовке Масарика — скорее революция всеевропейская. Но все же, проезжая в 1918 г. через Китай и Корею в Японию, Масарик так или иначе не мог не ощущать гул революционных перемен здесь, когда еще в 1911 г. была свергнута Цинская династия и учредилась Китайская Республика. Как раз в Японии он готовил материалы для встречи с Вильсоном — американским побудителем европейских революций и создателем Версальской системы. Но об этой революции он не говорит ничего.

В последней главе книги говорится о ценностях демократии и гуманизма: «Моральной основой всей политики должен быть гуманизм, а гуманизм это наша национальная политика» (Т. II. С. 308). Заключительные же слова и главы, и книги таковы: «Повторяю, Христос, а не Кесарь — вот смысл нашей истории и демократии» (Т. II. С. 358). Как раз ко времени выхода книги оформлялись идейные позиции очередного кандидата в кровавые «кесари». Уроженец Австро-Венгерской империи и будущий фюрер «третьего рейха» свою книгу «Моя борьба» писал в тюрьме в 1924 г., а первый том выпустил в свет в 1925 г. (второй — в 1926 г.).

Остается привести заключительные слова и о России — слова доверия ей как стране, пережившей развал, но способной к восстановлению. «Мы, — подчеркивал Т. Г. Масарик, — должны желать укрепления России, но это укрепление может прийти из ее же недр, оно произойдет при помощи самих же русских, оно не может быть проведено извне, иными народами; в кризисе, в котором оказалась Россия, она может помочь себе лишь сама — России можно помочь денежным займом, торговлей, всеми внешними средствами европейской цивилизации, но спасти ее этим нельзя. И Франция, и иные народы — среди них и мы — пережили революцию и такой же кризис, как и Россия, но помогали и помогли лишь самим себе. Мы лично можем очень мало помочь России; то, что мы можем, мы делали уже во время и после войны; *в своей политике невмешательства* (курсив мой. — Э. З.) я руководствовался проникновением в глубокий политический кризис России. Я верю, что Россия опамтается и укрепитя и будет снова играть большую политическую роль, еще большую, чем при царизме: Россия нужна не только нам и остальным славянам, но и всему свету. Мы были русофилами до войны и во время войны, ими мы и останемся, но будем лучшими русофилами, мыслящими и практически, — мы пойдем за Гавличеком, который первый из наших политиков сумел правильно отличать царизм от народа» (Т. II. С. 273).

Еще раз о композиции книги: между начальной ее главой «Завет Коменского» и заключительной «Демократия и гуманизм» — седьмая, срединная, названная, можно сказать, не без парадоксальной причудливости: «Американская демократия. *Finis Austriae*», — как будто именно американским гуманизму и демократии пришлось обеспечить и констатировать смерть Австро-Венгерской империи.

Но при этом — вольно или невольно — на переднем крае повествования о достижении независимости страны выступает Россия и состоявшийся там анабазис чехословацкого корпуса, позднее материализовавшего мечту о свободной стране на осколках поверженной империи. Эта мысль проходит в книге, даже если ее автор недвусмысленно отмечает вторичную роль революционных событий, имевших место у мощного восточного соседа: «Нашему освобождению мы обязаны прежде всего Западу и менее России» (Т. II. С. 272).

Практически и заключительные слова второго тома труда Масарика об этом говорят еще более убедительно: «Таким образом, ответ на вопрос, поскольку нас освободила Россия и поскольку западные союзники, не может быть неясным. Русская часть в освобождении меньше, гораздо меньше западной» (Т. II. С. 241). Повторно приведя эту ключевую фразу, остается добавить, что в данном контексте слово «поскольку» нужно трактовать: «в какой мере». Эти и другие суждения Масарика в его труде о мировой революции едва ли могут быть оценены однозначно. Но учесть его идеологические позиции стоило бы.

Так, страницей ниже Масарик озвучивает один из тезисов, столь тщательно препарированный ранее в трехтомнике «Россия и Европа», того что «Россия официальная была не славянской, а, скорее, византийской» (Т. II. С. 242), поэтому и революция здесь якобы не могла быть демократической. Тем самым навязывается мнение: с какой-де стати России было заботиться о появлении демократических славянских государств на территории бывших империй? Вот профессор В. Вильсон с его 14 пунктами — совсем другое дело, тем более что он тщательно советовался по этому поводу с другим профессором — самим Масариком...

Такое смещение акцентов обнаружить нетрудно и в других частях книги, связанных с осуждением революции 1917 г. в России. Правда, человеку, который столь строго и убедительно разоблачал самодержавие в канун его 300-летия в труде «Россия и Европа», как-то негоже было разоблачать народ, его свергнувший. Даже если этот народ в ходе революции выбрал большевиков — В. Ленина с Л. Троцким,

а не эсеров и В. Чернова с Б. Савинковым, партия которых одержала победу на выборах в Учредительное собрание («Учредилку», как его уничижительно именовали в массах города и деревни). И с этим, убеждал Масарик, тоже надо считаться.

Прошло 20 лет после начала Первой мировой войны и 17 — после 1917 г. Теперь Советский Союз снова понадобился Чехословакии — уже как хранитель ее независимости, а не только гарант ее достижения. В 1934 г. состоялась встреча первого чехословацкого президента Т. Г. Масарика с первым послом СССР в Чехословакии С. Александровским — помимо всего прочего, представителем большевистской идеологии. Вот как описывает ее обстоятельства личный секретарь президента: Масарик принял его, еще не оправившись от очень тяжелой болезни, ему врачи не разрешали вставать, и была достигнута договоренность, что он будет говорить с Александровским не вставая с постели. Однако для 84-летнего политика, всегда державшего в поле зрения весомость и России, и СССР, это казалось недопустимым. «Масарик, — записал Шенк, — отказался оставаться в постели, оделся и за полчаса до аудиенции спустился на лифте в рабочий кабинет. С одной стороны его поддерживал камердинер, а с другой — сиделка. В кабинете он не без усилия сел в кресло и стал ждать. Аудиенция продолжалась в целом около двадцати минут... Когда его ввел Штримпл, Масарик уже стоял, подал Александровскому руку и произнес несколько слов. Всю дальнейшую беседу вел министр Бенеш»¹⁵. Выказывая такого рода уважение советскому послу, Масарик признавал, что СССР как плод мировой революции оказался оплотом против процессов форсированного создания единой Европы под эгидой набиравшего силу национал-социализма, весьма далекого от ценностей гуманизма и демократии. Хотя бы по этой причине — определения более точного «веса» России и Запада в образовании и дальнейшей истории Чехословакии — книгу Масарика перечитывать надо.

Таким образом, сплав мыслей Масарика как идеал-политика и реал-политика просматривается в труде «Мировая революция» с достаточной определенностью. В главах книги излагаются его воззрения на политические идеалы вновь возникшей страны — применимые, по его мнению, и к другим странам Европы. Не случайно его прочили в президенты Соединенных Штатов Европы — если они состоялись бы

¹⁵ *Smetanová J.* TGM: «Proč se někde pravda?». Ze vzpomínek dr. Antónína Schenka, osobního tajemníka prezidenta T. G. Masaryka v letech 1928–1937. Praha, 1996. S. 188.

в те времена. Дебаты же о судьбах такого трансгосударственного объединения в формате Евросоюза идут и сегодня, и здесь обращение к некоторым мыслям Масарика вполне правомерно. Сам же он стремился избегать жестких моралистических оценок и подчеркивал крайнюю противоречивость революционных событий в России — своеобразного мотора революции мировой. В чем-то как идеал-политик он представлял и ситуацию, связанную на этом фоне с борьбой за государственную независимость Чехословакии, тоже события революционного. Но время от времени в его изложении просматриваются черты и реал-политика, который ради достижения своих целей идет на контакты с любыми силами при решении конкретных проблем; об этом в книге написано с честностью, присущей как раз идеал-политику. В целом же он признавал право народа на строительство нового общества, даже если этот процесс будет носить крайне противоречивый характер.

К концу его жизни оказалось, что именно новая Россия (СССР) встанет на защиту Чехословакии от натиска со стороны Германии при попустительстве Англии и Франции — стран, которые Масарик считал носителями идеалов гуманизма и демократии.

Источники и литература

Ведерников М. В. Место России во внешнеполитической концепции Т. Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. 2015. № 6. С. 122–130.

Задорожнюк Э. Г. «Подлинная революция – это революция реформистская» (Из книги Т. Г. Масарика «Россия и Европа». Главы «Демократия и революция» и «Святая Русь») // Славяноведение. 1997. № 5. С. 100–107.

Задорожнюк Э. Г. «Россия и Европа» Т. Г. Масарика: новые подходы к старой идее европейского единения // Т. Г. Масарик и Россия. СПб., 1997. С. 27–35.

Задорожнюк Э. Г. Штрихи к портрету Т. Г. Масарика // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 151–163.

Захаров Н. Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // <http://www.ecsocman.hse.ru/786/Zakharov.pdf>

Инов И. В., Порочкина И. М. Петроградский этап в борьбе Томаша Гаррига Масарика за создание самостоятельной Чехословацкой республики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Серия 9. Вып. 3–4. С. 99–113.

Крючков И. В. Т. Масарик и Э. Бенеш: Мировая революция и крах империй Габсбургов и Романовых // Революция 1917 года в судьбах мира: уроки столетия. Ставрополь, 2018. С. 41–45.

Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера английской разведки. М.: Алгоритм, 2016. 367 с.

Масарик Т. Г. Мировая революция. Воспоминания / авторизованный перевод Н. Ф. Мельниковой-Папоушек. Прага: Пламя; Орбис, 1926. Т. I. 245 с.; 1927. Т. II. 390 с.

Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. СПб.: РХГИ, 2000. Т. I. 448 с.; 2004. Т. II. 720 с.; 2003. Т. III. 576 с.

Ненашева З. С. Чехи в России между двух революций: мечты, иллюзии и реальность // Современная Европа. 2017. № 7. С. 88–97.

Сератионова Е. П. К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб.: Алетейя, 2011. С. 120–136.

Сератионова Е. П. Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик // До и после Версаля. Политические лидеры и национальные государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: Индрик, 2009. С. 322–340.

Чапек К. Беседы с Т. Г. Масариком // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 82–103.

Masaryk T. G. Světová revoluce za války a ve válce, 1914–1918. Praha: Čin a Orbis, 1925. 650 p.

Masaryk T. G. Světová revoluce za války a ve válce, 1914–1918 / ed. J. Srovnal. Praha: Masarykův ústav AV ČR, Ústav T. G. Masaryka, 2005. 1. vyd. 640 s.

Rychlík J. 1918. Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Česko-Slovenska. Praha: Vyšehrad, 2018. 280 s.

Smetanová J. TGM: «Proč se někde pravda?». Ze vzpomínek dr. Antónína Schenka, osobního tajemníka prezidenta T. G. Masaryka v letech 1928–1937. Praha: Primus, 1996. 325 s.

References

Chapek, K. Besedy s T. G. Masarikom. *Voprosy istorii*. 1998, № 1, s. 82–103.

Inov, I. V.; Porochkina, I. M. “Petrogradskii etap v bor’be Tomasha Garriga Masarika za sozdanie samostoiatel’noi Chekhoslovatskoi respublikii.” *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2004, seriia 9, vyp. 3–4, s. 99–113.

Kriuchkov, I. V. "T. Masarik i E. Benesh: Mirovaia revoliutsiia i krakh imperii Gabsburgov i Romanovykh." *Revoliutsiia 1917 goda v sud'bach mira: uroki stoletia*. Stavropol', 2018, s. 41–45.

Lokkart, R. B. Agoniia Rossiiskoi imperii. Vospominaniia oftsera angliiskoi razvedki. Moscow: Algoritm, 2016, 367 s.

Masarik, T. G. *Mirovaia revoliutsiia. Vospominaniia*. Avtorizovannyj perevod N. F. Mel'nikovoj-Papoushek. Prague: Plamya; Orbis, 1926, t. I. 245 s.; 1927, t. II, 390 s.

Masarik, T. G. *Rossiia i Evropa. Esse o dukhovnykh techeniakh v Rossii*. T. I. Saint Petersburg: RXGI, 2000, 448 s.; t. II. Saint Petersburg: RXGI, 2004, 720 s.; t. III. Saint Petersburg: RXGI, 2003, 576 s.

Masaryk, T. G. *Světová revoluce za války a ve válce, 1914–1918*. Praha: Čin a Orbis, 1925, 650 p.

Masaryk, T. G. *Světová revoluce za války a ve válce, 1914–1918* / ed. J. Srovnal. Praha: Masarykův ústav AV ČR, Ústav T. G. Masaryka, 2005, 1. vyd., 640 s.

Nenasheva, Z. S. "Chekhi v Rossii mezhdru dvukh revoliutsii: mechty, illiuzii i real'nost'." *Sovremennaiia Evropa*. 2017, № 7, s. 88–97.

Rychlík, J. 1918. *Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Česko-Slovenska*. Praha: Vyšehrad, 2018, 280 s.

Smetanová, J. *TGM: "Proč se neřekne pravda?". Ze vzpomínek dr. Antonína Schenka, osobního tajemníka prezidenta T. G. Masaryka v letech 1928–1937*. Praha: Primus, 1996, 325 s.

Serapionova, E. P. "K istorii formirovaniia chekhoslovatskikh vojskikh chastei na rossiiskoi territorii v gody Pervoi mirovoi voiny." *Slavianskii mir v epokhu vojn i konfliktov XX v*. Saint Petersburg: Aleteiia, 2011, s. 120–136.

Serapionova, E. P. "Pervyi prezident Chekhoslovakii Tomash Garrig Masarik." *Do i posle Versalia. Politicheskie lidery i natsional'nye gosudarstva v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope*. Moscow: Indrik, 2009, s. 322–340.

Vedernikov, M. V. "Mesto Rossii vo vneshnepoliticheskoj kontsepcii T. G. Masarika nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny." *Sovremennaiia Evropa*. 2015, № 6, s. 122–130.

Zadorozhniuk, E. G. "«Podlinnaia revoliutsiia – eto revoliutsiia reformistskaia» (Iz knigi T. G. Masarika «Rossiia i Evropa»). Glavy «Demokratii i revoliutsiia» i «Sviataia Rus'»." *Slavianovedenie*. 1997, № 5, s. 100–107.

Zadorozhniuk, E. G. "«Rossiia i Evropa» T. G. Masarika: novye podkhody k staroi idee evropeiskogo edineniia." *T. G. Masarik i Rossiya*. Saint Petersburg, 1997, s. 27–35.

Zadorozhniuk, E. G. "Shtrikhi k portretu T. G. Masarika." *Novaia i noveishaia istoriia*. 2012, № 5, s. 151–163.

Zakharov, N. L. Sotsiokul'turnye i professional'nye reguliatory povedeniia rossiiskogo chinovnika. URL: <http://www.ecsocman.hse.ru/786/Zakharov.pdf>

Ella G. Zadorozhnyuk

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tomáš Garrigue Masaryk on the old and the new Russia
in his work “The World Revolution” (on occasion on his 170th anniversary)

The article justifies the answer to the question: which were reasons for events T. G. Masaryk called the world revolution, and in this perspective — what practical steps and further conclusions for the construction of the Czechoslovak statehood he took as the future president of the country — the great ideal and real-politician of the 20th century. It is noted that this statehood was conceived by Masaryk on the basis of the old (until February 1917) Russia, and it was created in the course of complex interactions with the new Russia. An attempt was made to show that it was the flair of real politics that prevented Masaryk from renouncing certain provisions of ideal politics — if one recognizes among them the respect for the free choice of peoples. Masaryk adequately and, it can be said, relevantly describes the key moments of the Russian Revolution — the motor of the world revolution, during which “small” peoples received (or returned) their statehood. Hence the respectful attitude to the very fact of the revolution against the background of ideologically engaged judgements, and to the almost unopposed choice of the Russian people. Reading the work “The World Revolution” from this perspective encourages an adequate assessment of the state wisdom of the thinker and politician, the real president of the new country. The urgency of a new reading of T. G. Masaryk’s work is argued, it is noted that a number of its provisions are significant for modern times, when ideal inducements to political activity are not allocated to second or even third plans. This same reading can help in understanding the reasons not only for the originating of the Czechoslovak state, but for its breaking up as well. Keywords: *Europe, USSR, Russia, Czechoslovakia, T. G. Masaryk, World Revolution, Russian Revolution, humanism, democracy, Real-politician, Ideal-politician.*